

§11 ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Карпов В. А.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ В XX-НАЧАЛЕ XXI ВВ.

***Аннотация.** Предметом исследования в настоящей статье является обобщение некоторых тенденций постклассического этапа в развитии концепции правового государства в западных странах, в том числе развитие идей правовой государственности в трудах современных зарубежных ученых-правоведов, а также особенности и проблемы современного международно-правового закрепления категории правового государства. Анализ текста международных документов позволяет говорить о том, что применительно к концепции правового государства в целом не сложилось единства терминологии — в международных актах закрепляется и принцип верховенства права, и принцип верховенства закона. В то же время, принцип верховенства закона закреплен в ряде международных документов. Отсутствие терминологического единообразия в понимании концепции правового государства в международных документах не вполне соответствует целям и задачам внедрения данной концепции во взаимоотношения между современными государствами на международном уровне. Более приоритетным в данной связи является использование принципа «верховенства права». В современном западном правоведении появилась тенденция, отрицательно сказывающаяся на состоянии научной разработки доктрины правового государства — а именно, сокращается количество работ по фундаментальным проблемам конституционного права. Методологическую базу исследования представляют фундаментальные положения теории государства и права, сравнительный анализ исследовательских принципов различных школ и течений, метод анализа публикаций, существующих в данном направлении, традиционные методы научного знания (дедуктивный, индуктивный, системный, сравнительный и др.), а также частно-научные методы: исторический, формально-юридический. В статье сделан вывод о необходимости осмысления неординарных матриц правовой государственности, сложившихся в современном многополярном мире, сопоставления их достижений и недостатков, выявления перспективных путей развития концепции правового государства с учетом изменившихся реалий современного мира и реального практического опыта построения правового государства в различных странах. концепция правового государства может и должна быть трансформирована правовой наукой и практикой каждого государства применительно к особенностям его государственно-правовой модели, традициям государственности, объективно достигнутому уровню развития национального правосознания и гражданского*

общества. Принцип эволюционного органичного построения правовой государственности с опорой на национальные правовые традиции следует признать главенствующим принципом в новом тысячелетии.

Ключевые слова: правовое государство, эволюция правовой государственности, зарубежные страны, международно-правовое закрепление, категории правового государства, принцип верховенства права, принцип верховенства закона, международные документы, политический плюрализм, гарантии сторон.

Review. The topic of the research in the present article is the generalisation of some trends of the post-classical stage in the development of the concept of the «rule-of-law» state in Western countries, including the development of the ideas of the «rule-of-law» statehood in the works of contemporary foreign legal experts, as well as peculiarities and problems of modern international legal confirmation of the category of a «rule-of-law» state. The analysis of the text of international documents allows to say that regarding the concept of the «rule-of-law» state, there is generally no unified terminology - international acts adopt both the rule of law and the rule of legislation. At the same time, the rule of legislation is fixed in some international documents. The lack of terminological uniformity in the understanding of the concept of the «rule-of-law» state in international documents does not entirely comply with the aims and objectives of the implementation of this concept into the relations between modern states on the international level. In this connection, the principle of the rule of law is of higher priority. Contemporary western legal studies has been showing a trend that negatively impacts the condition of scientific elaboration of the doctrine of the «rule-of-law» state - namely, the number of works on fundamental problems of constitutional law is decreasing. The methodological basis of the research is comprised by the fundamental provisions of the theory of state and law, comparative analysis of the research principles of different schools and approaches, the method of the analysis of publications existing in this field, traditional scientific methods (deduction, induction, system approach, comparative method, etc.), as well as special scientific methods: historical and formal legal. The article draws a conclusion about the necessity to realise the difference of matrixes of the «rule-of-law» statehood existing in modern multipolar world, to compare their advantages and disadvantages, to determine the future-oriented ways of the development of the concept of the «rule-of-law» state, taking into account the changing realia of contemporary world and real practical experience of establishing the «rule-of-law» state in different countries. The concept of the «rule-of-law» state can and should be transformed by the legal science and practice of every state in compliance with the peculiarities of its state and legal model, traditions of statehood, the objective level of the national legal consciousness and civil society. The principle of evolutionary organic establishment of the «rule-of-law» statehood based on the national legal traditions should be admitted to be the governing principle in the new millennium.

Keywords: «rule-of-law» state, evolution of the «rule-of-law» statehood, foreign countries, international legal confirmation, categories of the «rule-of-law» state, rule of law, reel of legislation, international documents, political pluralism, guarantees of the parties.

XX век стал новым этапом в развитии концепции правовой государственности. Прежде всего, именно в XX веке концепция правового государства получила нормативное оформление в конституциях многих государств, превратилась в «идеал, к которому должны стремиться все цивилизованные страны»^[1]. В конституциях 20 европейских государств, где проживает свыше 400 миллионов человек, и 6 государств Латинской Америки, где проживает около 300 миллионов, как руководящее положение указано именно правовое государство^[2].

Постклассический этап в развитии концепции правового государства ознаменовался также закреплением данной категории в ряде международных документов, тем самым подтвердилось значение этой концепции как универсальной и общепризнанной в качестве составного элемента эталона современной государственности. Как отмечается, например, в Документе Копенгагенского совещания

Конференции по человеческому измерению СБСЕ (подписан в г. Копенгагене 29 июня 1990 г.), государства-участники признают, что «плюралистическая демократия и правовое государство являются существенно необходимыми для обеспечения уважения всех прав человека и основных свобод, развития контактов между людьми и решения других связанных с этим вопросов гуманитарного характера. Поэтому они приветствуют выраженную всеми государствами-участниками приверженность идеалам демократии и политическому плюрализму, а также их общую решимость строить демократические общества на основе свободных выборов и верховенства закона».

Анализ текста международных документов позволяет говорить о том, что применительно к концепции правового государства в целом не сложилось единства терминологии — в международных актах закрепляется и принцип верховенства права, и принцип верховенства закона.

Например, верность принципу верховенства права подтвердили страны-участницы ООН в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций (принята в г. Нью-Йорке 08.09.2000 Резолюцией 55/2 на 8-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). В Совместной декларации Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки (Принята в г. Москве 24.05.2002) ^[3] также говорится о верности принципу верховенства права. В указанной Декларации сделано заявление: «Мы выходим на уровень новых стратегических отношений. Эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или стратегическую угрозу, закончилась. Мы являемся партнерами и будем сотрудничать ради продвижения стабильности, безопасности, экономической интеграции, совместного противодействия глобальным вызовам и содействия решению региональных конфликтов. ... Мы будем уважать основные демократические ценности, права человека, свободу слова и свободу СМИ, терпимость, верховенство права и экономические возможности».

Категория верховенства права неоднократно применялась и в решениях Европейского Суда по правам человека. В частности, в Постановлении 7 мая 2002 г. по делу Бурдов (Burdov) против России Суд указал: «Немыслимо, что пункт 1 статьи 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон — справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство, не предусматривал бы защиты процесса исполнения судебных решений; толкование статьи 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения лишь права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства вероятней всего привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права, который государство — участники Европейской Конвенции обязались соблюдать, подписав Конвенцию» ^[4].

В то же время, принцип верховенства закона также закрепляется в ряде международных документов. Например, принцип верховенства закона называется в качестве основного принципа деятельности Совета Европы в Варшавской декларации (Принята в г. Варшаве 16.05.2005–17.05.2005) ^[5], в которой подчеркивается: «необходимо продолжать дальнейшее продвижение вперед в строительстве Европы без разделительных линий, основанной на общих ценностях, воплощенных в Уставе Совета Европы: демократии, правах человека и верховенстве закона. ... Совет Европы будет продолжать выполнять

свою ключевую задачу — охранять и развивать права человека, демократию и верховенство закона». В основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора (подписан в г. Париже 27 мая 1997 г.) ^[6] закреплено, что «Россия и НАТО будут строить свои отношения на общей приверженности следующим принципам: развитие на основе транспарентности прочного, стабильного, долговременного и равноправного партнерства и сотрудничества с целью укрепления безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе; признание жизненно важной роли, которую демократия, политический плюрализм, верховенство закона и уважение прав человека и гражданских свобод, а также развитие рыночной экономики играют в развитии общего процветания и всеобъемлющей безопасности...».

И подобных примеров еще множество. Представляется, что отсутствие терминологического единообразия в понимании концепции правового государства в международных документах не вполне соответствует целям и задачам внедрения данной концепции во взаимоотношения между современными государствами на международном уровне. Более приоритетным в данной связи является использование принципа «верховенства права», поскольку не все из современных государств придерживаются в своих национальных правовых системах принципа приоритета закона перед иными источниками права (прежде всего, страны англо-саксонской семьи прецедентного права), в связи с чем принципы «верховенства права» и «верховенства закона» не могут для них являться в целом взаимозаменяемыми, как в странах романо-германской правовой семьи.

В связи с изложенным можно положительно оценить принятие Резолюции 1594 (2007) 1 Парламентской Ассамблеи Совета Европы ^[7]. В пункте 4 данной Резолюции содержится подробный анализ смысла принципа верховенства права в его соотношении с принципом верховенства закона: «4. Парламентская ассамблея обращает внимание на тот факт, что в некоторых молодых демократических государствах восточной Европы юристы в основном склоняются к пониманию термина «Rule of Law» как «Supremacy of Statute Law», т.е. «верховенство закона». Однако термин «Rule of Law» следует переводить на русский как «верховенство права», так же как правильным переводом термина «Rule of Law» на французский язык является «Preeminence du droit», а не «Preeminence de la loi» (аналогичным образом термины «recht» и «droit» в выражениях Rechtsstaat (Etat de droit) следует переводить на рус-

ский как «право»). Перевод термина «Rule of Law» как «верховенство закона» вызывает серьезную озабоченность, поскольку в некоторых этих странах все еще присутствуют, несмотря на верховенство права, определенные традиции тоталитарного государства как в теории, так и на практике. Такая формалистическая интерпретация терминов «Rule of law» и «*etat de droit*», а также «*Rechtsstaat*» противоречит сути как понятия «Rule of Law», так и понятия «*Preeminence du droit*». Несомненно, в этих случаях имеют место недопустимая непоследовательность и нечеткость при переводе юридических терминов на языки государств-членов».

24 сентября 2012 г. ООН приняла Декларацию «О верховенстве права». Подчеркнув исключительное значение обеспечения верховенства права на национальном и международном уровнях, Декларация особо выделяет значение независимости судебной власти, доступности правосудия, борьбы с коррупцией, терроризмом и транснациональной организованной преступностью, содержит призыв ко всем странам-участницам ставить в основу деятельности национальных властей принцип верховенства права.

Принятие подобных документов имеет особенно важное значение, учитывая, что, как отметил судья Международного суда Справедливости Хисаши Овада в своем выступлении на конференции Международной ассоциации юристов в Гонконге в 2007 г., «хотя фраза «верховенство права» сегодня в моде, оживленные дебаты среди ученых и практиков по внедрению этой концепции в жизнь продолжают. Концепция и термин происходят из конституционной доктрины общего англосаксонского права. Но даже там она четко не определена» [2].

Соответственно, учитывая широкое нормативное употребление категорий правового государства и верховенства права, в XX веке возросло значение научных исследований в данной сфере, в которых бы предлагалось доктринальное толкование данных понятий.

Например, М. Ориу создал оригинальную теорию, согласно которой как только политическая и экономическая индивидуальность нации централизуется, в ней намечается тенденция к корпоративности и персонификации, поскольку благодаря имеющемуся у нее и внушающему публичное доверие капиталу сил и идей она начинает существовать как «потенциальная сила, основывающаяся на прошлом и устремленная в будущее» [8]. Таким образом, «государство стремится сделать себя юридическим олицетворением нации» [8]. При этом им было предложено следующее определение: «государство

есть централизация нации в целях включения в нее гражданского общества посредством организации нации в корпоративную индивидуальность при наличии суверенной власти, при режиме внутреннего закона и господства закона» [8]. Таким образом, как видим, принцип верховенства закона (господства статута) отнесен автором к смыслоопределяющим существенным признакам государства.

Бертран де Жувенель критически переосмыслил применимость концепции правового государства к современным реалиям. По мнению французского мыслителя, «сколь бы истинной не была идея о правовой норме, налагаемой на Власть, ее воплощение в жизнь в наше время сопряжено с большими трудностями. Ведь если принять принцип, что закон должен соответствовать праву, кто помешает Власти, представляющей на обсуждение законопроект, группе, мобилизующей общественное мнение, чтобы провести его, утверждать, что такой закон — выражение, проявление, осуществление права? И если бы я считал его несправедливым, мне сказали бы только, что мое понятие о праве ложно и, хуже того, устарело. Ведь право изменчиво, как и мораль, которая его поддерживает; они постоянно развиваются и совершенствуются, и, следовательно, в них нет ничего устойчивого» [9]. Автор резюмирует: «гений современности интуитивно находит, как обойти принцип верховенства права. Он приспособляется к этому принципу, нет, больше: берет его на вооружение!» [9].

9. Венгерский правовед Андраш Шайо посвятил правовому государству целую главу своего труда под названием «Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма». В ней автор подчеркнул следующее различие основных правовых концепций, действующих в различных правовых системах: «общую связующую силу права, его роль, произвольную и ограничивающую произвол, англосаксонская концепция выражает понятием «верховенства права» (*rule of law*), континентальная концепция — понятием правового государства (*Rechtsstaat, État de droit*). Под этими выражениями в различных традициях понимаются отчасти одинаковые положения, правовые предписания, касающиеся: 1) структуры, 2) устройства и 3) функционирования государства. Общая для различных концепций черта состоит в том, что государственные органы действуют в соответствии с предписаниями права, которое, в свою очередь, строится на принципах, ограничивающих произвол» [10].

10. А. Шайо обосновал ограниченность принципа верховенства права, по его мнению «верховенство права, как и конституционализм, не является

абсолютной ценностью. Нужно ясно видеть его пределы, иначе его не удастся защитить — хотя бы от его собственных недостатков. Верховенство права как ограничение воли властей, государства, а также тех, кто конкретно использует силу и предоставляет льготы, конечно, защищает гражданина, но одновременно отдает его во власть бездушных форм, сменивших произвол. В случае сурового верховенства права нет возможности учитывать человеческий фактор, справедливость. Страдания, беспомощность или неизмеримые, не признанные общественным успехом состояния остаются без внимания. Средства отделяются от целей, ожидания от результатов»^[10].

11. В 1970-е гг. английский историк А. Тейлор развил идеи И. Канта применительно к процессам, происходящим в современном обществе. Он заметил, что невозможно установить правовое государство без демократии^[11].

На примере данного подхода видна следующая тенденция, проявившаяся особенно четко в XX веке: концепция правового государства переживает своего рода «сращение» с рядом иных государственно-правовых концепций, образуя своего рода «эталон» современной государственности, «джентльменский набор», который обязательно должен присутствовать в государственной модели любого государства, которое стремится входить на равных в круг ведущих держав современного мира. К таким концепциям относятся, помимо правового государства, например следующие: демократия (в том числе электоральная демократия), разделение властей, конституционализм, приоритет прав и свобод человека и гражданина, гражданское общество.

В кратком курсе конституционного права профессор Страсбургского университета Ж. — П. Жакке обосновывает, что «правовое государство отличается от полицейского государства тем, что в первом государственная власть может действовать только на основе и в пределах правил, которые устанавливаются для нее; во втором, несмотря на существование юридических норм, государственная власть может действовать согласно своему «доброму» пожеланию, не соблюдая эти нормы»^[12]. Также подчеркивается, что «эволюция правового государства в последнее десятилетие во Франции породила необходимость контроля за конституционностью законов, который до этого практиковался во многих иностранных государствах, обязав законодателя соблюдать Конституцию. Отныне Конституционному совету принадлежит право проверять соответствие законов Консти-

туции и не допускать промугляции законов, противоречащих ей. Следовательно, гарантируется уважение законодателем воли учредителя»^[12]. Таким образом, концепция правового государства в западных странах по сей день эволюционирует и не остается неизменной.

Необходимо отметить, что в современном западном правоведении появилась тенденция, отрицательно сказывающаяся на состоянии научной разработки доктрины правового государства — а именно, сокращается количество работ по фундаментальным проблемам конституционного права, в чем признаются сами западные ученые. Например, применительно к США судья Познер говорит о «депрофессионализации правовых исследований», в первую очередь в сфере конституционного права. Он обратил внимание, что доктринальные исследования сокращаются, особенно среди молодых ученых в элитных юридических вузах, поскольку снизился уровень консенсуса в рамках профессии, а также потому, что результаты доктринальных исследований и их методология нередко ставятся под сомнение^[13]. По мнению Р. Познера, «конституционное право остается наиболее престижной сферой для академических юристов. Она привлекает много способнейших доктриналистов. Но они потеряли свою главную аудиторию — судей. Они сейчас пишут друг для друга... Во все возрастающей степени традиционные правовые исследователи неспособны отвечать на наиболее острые вопросы о праве»^[13].

Полагаем, что проявлению данной тенденции способствует прагматизация современной западной науки, при которой исследование абстрактных проблем конституционного права не всегда имеет привлекательность в глазах молодого ученого. Вместе с тем, как видится, проблематика правового государства далеко не исчерпала своего гносеологического потенциала и в новом тысячелетии, поскольку политизация данной проблематики в современном мире постоянно обозначает перед наукой новые горизонты объективного научного поиска с целью преодоления одностороннего использования концепции правового государства.

В современном мире сложилось многообразие моделей построения правовой государственности, которых, по сути, столько же, сколько самих государств, предпринимающих усилия в этом направлении. Не случайно М. В. Михайлов пришел к следующему выводу: «несмотря на практически идентичные исходные начала и аналогичные этапы развития различных обществ и государств, итог этого эволюционирования государственных

не одинаков. Анализ современной государственно-правовой действительности позволяет классифицировать две различные группы территориальных общностей. Первая — это территории, где фактически сложилось устойчивое и жизнеспособное гражданское общество, в его узком понимании, наряду с государством, которое тяготеет к правовому и в принципе может быть им названо. Другая же — в аналогичных временных рамках не вышла на эти рубежи»^[14]. При этом, по мнению автора, «в качестве определенных факторов, влияющих на оба пути развития, можно выделить географическое расположение государственных, их национально-культурные традиции, суверенность тех или иных народов, политико-правовую культуру населения, менталитет. А также поэтапно изменяющиеся структурные отношения между обществом и государством. Эти факторы разнообразны в обеих группах, и именно их воздействие во многом предопределило конечный результат генезиса государственности»^[14].

Перед правовой наукой стоят задачи осмысления неодинаковых матриц правовой государственности, сложившихся в современном многополярном мире, сопоставления их достижений и недостатков, выявления перспективных путей развития концепции правового государства с учетом изменившихся реалий современного мира и реального практи-

ческого опыта построения правового государства в различных странах.

При этом следует помнить о том, что, как писал О. Е. Кутафин, «правовое государство не является самоцелью. Оно представляет собой социально-исторически обусловленную всеобщую форму выражения, организации, упорядочения и защиты свободы и равенства в общественных отношениях людей. Содержание и характер этой свободы, ее широта и объем, ее структура или, иначе говоря, ее количество и качество определяются достигнутым уровнем развития общества»^[15].

По нашему убеждению, концепция правового государства может и должна быть трансформирована правовой наукой и практикой каждого государства применительно к особенностям его государственно-правовой модели, традициям государственности, объективно достигнутому уровню развития национального правосознания и гражданского общества. Неуместное ускорение и «перепрыгивание ступенек» в процессе построения правового государства, как показала богатая правовая практика многих стран мира, способны принести больше вреда, чем пользы. Принцип эволюционного органичного построения правовой государственности с опорой на национальные правовые традиции следует признать главенствующим принципом в новом тысячелетии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 4-е изд. / отв. ред. И. А. Конюхова. М., 2008. С. 11.
2. Баренбойм П. Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 5–12.
3. «Российская газета». 2002. 25 мая.
4. Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М., 2004. С. 81–87.
5. Совет Европы и Россия. 2005. № 1. С. 26–37.
6. Дипломатический вестник. 1997. № 6. С. 4–10.
7. Баренбойм П. Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 5–12.
8. Ориу М. Основы публичного права. М., 2013. С. 12.
9. Б. де Жувенель. Власть: естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 413.
10. Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма / пер. с венгерского. М., 2001. С. 205.
11. Конюхова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть. М., 2006. С. 493.
12. Жакке Ж. — П. Конституционное право и политические институты. / пер. с франц. М., 2002. С. 40.
13. Richard Posner. *Overcoming Law*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 1995. P. 492–497. Цит. по: Баренбойм П. Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 5–12.
14. Михайлов М. В. Типичное и атипичное в политико-правовом развитии государственности: теоретико-методологический аспект // Право и политика. 2007. № 10.
15. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2009. С. 127.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Sadovnikova G. D. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. 4-e izd. / otv. red. I. A. Konyukhova. M., 2008. S. 11.
2. Barenboim P. D. Razgranichenie, konvergentsiya ili zamena doktrin pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava? // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2013. № 4. S. 5–12.
3. 'Rossiiskaya gazeta'. 2002. 25 maya.
4. Evropeiskii sud po pravam cheloveka. Pervye resheniya po zhalobam iz Rossii (sbornik dokumentov). M., 2004. S. 81–87.
5. Sovet Evropy i Rossiya. 2005. № 1. S. 26–37.
6. Diplomaticheskii vestnik. 1997. № 6. S. 4–10.
7. Barenboim P. D. Razgranichenie, konvergentsiya ili zamena doktrin pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava? // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2013. № 4. S. 5–12.
8. Oriu M. Osnovy publichnogo prava. M., 2013. S. 12.
9. B. de Zhuvanel'. Vlast': estestvennaya istoriya ee vozrastaniya. M., 2011. S. 413.
10. Shaio A. Samoogranichenie vlasti. Kratkii kurs konstitutsionalizma / per. s vengerskogo. M., 2001. S. 205.
11. Konyukhova I. A. Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'. M., 2006. S. 493.
12. Zhakke Zh. — P. Konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty. / per. s frants. M., 2002. S. 40.
13. Richard Posner. Overcoming Law. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 1995. P. 492–497. Tsit. po: Barenboim P. D. Razgranichenie, konvergentsiya ili zamena doktrin pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava? // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2013. № 4. S. 5–12.
14. Mikhailov M. V. Tipichnoe i atipichnoe v politiko-pravovom razvitii gosudarstvennosti: teoretiko-metodologicheskii aspekt // Pravo i politika. 2007. № 10.
15. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitutsionnoe pravo Rossii. M., 2009. S. 127.